

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

По поводу смерти г. А. К. Толстого.

Буживаль (возлѣ Парижа), 5-го (17) октября, 1875.

Любезнѣйшій М. М.,—третьяго дня вечеромъ получилъ я вашу телеграмму: горестной скорбью наполнила она мое сердце.—Я зналъ и прежде, что Толстому не суждено было долго жить на землѣ: не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ его докторъ въ Карлсбадѣ сказывалъ мнѣ, что нашему бѣдному другу не просуществовать и года; но трудно сразу примириться даже съ ожидаемой потерей, особенно съ потерей такого человѣка, каковъ былъ Толстой. — Я далекъ отъ намѣренія представить теперь же его полную оцѣнку, опредѣлить его мѣсто и значеніе въ современной русской словесности: это—дѣло будущихъ его біографовъ;— мнѣ хочется только высказать нѣсколько мыслей, внушенныхъ воспоминаніемъ о симпатической личности отошедшаго въ вѣчность поэта.

Я сказалъ: поэта. Да; онъ былъ имъ несомнѣнно, вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рожденъ поэтомъ—а это въ наше время, вездѣ—и пуще всего въ Россіи—большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ—(извѣстно, что у насъ въ нынѣшнее время *молодыхъ* поэтовъ не имѣется) опредѣляются также его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія.—Положеніе Толстого въ обществѣ, его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что такъ цѣнится большинствомъ людей;— но онъ остался вѣренъ своему призванію—поэзіи, литературѣ; онъ не могъ быть ни чѣмъ инымъ какъ только именно тѣмъ, чѣмъ создала его природа; онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи слова. Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что одно даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ—а именно: собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной фізіономіей; онъ свободно, мастерскою рукою распоряжался роднымъ языкомъ, лишь изрѣдка поддаваясь то искушеніямъ виртуозности — желанію пощеголять архаическими — правда, иногда весьма счастливыми — оборотами; то другимъ, мгновеннымъ соображеніямъ, въ сущности чуждымъ, какъ вообще все политическое — его сердцу и уму.—Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотвореній, которые—въ теченіе долгихъ лѣтъ—стыдно бу-

дети не знаютъ всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода—исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ—и въ послѣдней изъ нихъ, помѣщенной въ октябрьскомъ № „Вѣстника Европы“ (въ день извѣстія о его смерти!),—онъ достигаетъ почти Дантовской образности и силы.—Наконецъ—и какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго выше о многосторонности его дарованія, кто же не знаетъ, что въ его строго-идеальной и стройной натурѣ была свѣжимъ ключомъ струя неподдѣльнаго юмора—и что графъ А. К. Толстой, авторъ „Смерти Іоанна Грознаго“ и „Князя Серебрянаго“—былъ въ то же время однимъ изъ творцовъ памятнаго всѣмъ „Кузьмы Пруткова“?

Вотъ поэтъ, котораго мы лишились—и который едва ли скоро будетъ замѣненъ. И пусть тѣ, которымъ эти строки попадутся на глаза, не пожимаютъ плечами и не думаютъ, что эта утрата преувеличена мною; смѣю увѣрить ихъ, что проложить и оставить за собою слѣдъ будетъ со временемъ въ состояніи только тотъ, кто пойметъ и признаетъ эту утрату...

Я попытался набросить нѣсколько чертъ фізіономіи Толстого, какъ поэта; что сказать о немъ, какъ о человѣкѣ?—Всѣмъ, знавшимъ его, хорошо извѣстно, какая это была душа, честная, правдивая, доступная всякимъ добрымъ чувствамъ, готовая на жертвы, преданная до нѣжности, неизмѣнно вѣрная и прямая. „Рыцарская натура“—это выраженіе почти неизбѣжно приходило всѣмъ на уста при одной мысли о Толстомъ; я бы позволилъ себѣ употребить другой, въ наше время нѣсколько заподозрѣнный—но прекрасный, и въ данномъ случаѣ самый умѣстный—эпитетъ. Натура гуманная, глубоко гуманная!—вотъ что былъ Толстой—и какъ у всякаго истиннаго поэта, жизнь котораго неуклонно переливается въ его творчество—эта гуманная натура Толстого сквозитъ и дышетъ во всѣмъ, что онъ написалъ.

Мнѣ бы не хотѣлось кончить это письмо чѣмъ-нибудь касающимся до моей личности; но передъ этой еще свѣжей могилой чувство благодарности заставляетъ умолкнуть всѣ другія: графъ А. К. Толстой былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, способствовавшихъ прекращенію изгнанія, на которое я былъ осужденъ въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ...

Миръ праху твоему, незабвенный русскій человѣкъ и русскій поэтъ!...

Я знаю, что вы глубоко сочувствуете нашему общему горю—и въ силу этого сочувствія крѣпко и дружески жму вашу руку.—Преданный вамъ—

Ив. Тургеневъ.

